

КОМБУЧА, КАКТУС, ГЕРКУЛЕС

НАСТЯ НЕНЯЙНИНА

Родилась в 1998 году в Барнауле. Окончила социологический факультет Алтайского государственного университета, магистратуру по литературному мастерству в Высшей школе экономики. Печаталась в журнале «Алтай» и «Культура Алтайского края».

Сергей Петрович просыпается в семь, но остается под одеялом, пока хозяйка дома, у которой он снимает холодную комнату в пристройке, не закончит свои утренние дела. Сергей Петрович слушает, как хозяйка скрипит пружинами старой кровати, как хлопает дверцами шкафа в поисках очередного засаленного халата, как идет на кухню, топит печь, ставит чайник, включает газ, тщательно прочищает горло и сплевывает в эмалированное ночное ведро. До Сергея Петровича доносится сопливый запах геркулеса, сваренного на воде, чавканье, хлюпанье, протяжные вздохи. Тут уже можно, конечно, встать, зайти на кухню, дожидаться от хозяйки предложения позавтракать и избавиться себя от необходимости что-то готовить, но Сергей Петрович продолжает лежать в зимней синей темноте утра и цепенеть.

Сергей Петрович пытается думать о маме. Сегодня мамы нет уже двадцать пять лет, вспоминает Сергей Петрович, и хочет сделать скорбное лицо, но непонятно, как его делать, да и зеркала в комнате нет. Как проверить, что лицо выходит именно скорбное, а не какое-нибудь еще – например, недовольное или, не дай бог, брезгливое. Сергей Петрович решает не менять выражение лица. Пусть уж лучше остается как есть, думает Сергей Петрович.

Сергею Петровичу было девять, когда не стало мамы, и он ее плохо помнит – так, какие-то

обрывки. Черное скользкое платье в горошек, которое маленький Сергей Петрович не любил, потому что, когда мама была в этом платье, маленький Сергей Петрович бесконечно сползал с ее коленей. Толстые очки. Какая-то стрижка. А может, просто высокий хвост? Торт «Наполеон» на Новый год. Красный шрам на коленке. Или это у него, у Сергея Петровича, на коленке?

К девяти в доме теплеет. Хозяйка шуршит пакетами с мусором. Уходит. Сергей Петрович все-таки встает, натягивает носки, предварительно их понюхав. Нормально. Натягивает носки, брюки, рубашку, свитер. Идет на кухню в поисках остатков каши. Каша уже подсохла, покрылась желтоватой корочкой и потрескалась. Нормально. Сергей Петрович ест прямо из черной с одного бока кастрюли, задерживая дыхание, чтобы не слышать вкуса. Надо думать о маме.

Надо пересчитать деньги. На дорогу до кладбища, на сигареты, на цветы. На цветы не хватает. Сергей Петрович берет с подоконника маленький кактус и сует в карман куртки. Надо думать о маме. Откуда ему знать, любила ли мама кактусы. Может, и любила. Чем плох кактус? Уникальное растение. Способно выживать в самых засушливых районах. Сергей Петрович жил в Индустриальном районе – он (район) был не особенно засушлив. Вот и сегодня дождь со снегом.

Автобус уже давно едет по трассе. Автобус останавливается и вываливает пассажиров в коричневый сугроб. Сергея Петровича автобус вываливает тоже. Кактус больно впивается в щеку при падении.

Сергей Петрович выходит на улицу, здоровается с соседкой Катей. Катя третий год ходит в одной и той же юбке и к тому же беременная. Третий год все никак не родит. Время, говорят, сейчас такое, что и рожать страшно. Сергей Петрович хочет думать о маме, но думает о времени. Через три минуты должен подойти трамвай, и нужно ускориться. Сергей Петрович ускоряется. Трамвай, произведенный концерном «Татра», подходит.

Сергей Петрович едет в трамвае, произведенном концерном «Татра». Сегодня воскресенье, и трамвай едет сам – у водителей выходной. У большинства населения Индустриального района тоже выходной, так что трамвай почти пуст. В трамвае Сергей Петрович садится у окна, залепленного объявлениями, и решает думать о маме. Скользкое платье в горошек, высокий хвост, а может, какая-то стрижка...

В трамвай заходит человек с собакой породы дворняжка. То есть, строго говоря, дворняжка – это никакая не порода, а скорее ее, породы, отсутствие. Дворняжка садится неподалеку от Сергея Петровича и говорит:

– Ульяновск. Тебе на «-ка».

Сергей Петрович говорит:

– Камбоджа.

Дворняжка говорит:

– Ты дурак? Это напиток.

Сергей Петрович говорит:

– Напиток – это комбуча.

Человек с собакой породы дворняжка выходит из трамвая. Сергей Петрович пытается представить, какая комбуча на вкус.

Трамвайное кольцо – это конечная. На конечной Сергей Петрович выходит и идет мимо пятиэтажек к базарчику за сигаретами. Базар кипит, как забытый на плите бульон. На самодельных столах из палет – банки с соленьями и домашней горчицей, компотом и сушеными травами. Пахнет копченой рыбой и колбасой, тоже копченой. Гамаши и носки, заботливо перетянутые продавщицей бельевой резинкой, припорошило снегом, который, впрочем, наверняка скоро растает. Сергей Петрович находит тетеньку в коричневой дубленке, торгующую сигаретами, и говорит:

– «Максим» красный пачку.

Тетенька достает коробочку с «импотенцией».

– А мертворождения нет у вас? – спрашивает Сергей Петрович.

Тетенька не меняет положения своего тела. Возможно, шуба ей мала, а двигаться в тесной одежде крайне неудобно.

– У меня восемь подписчиков в ватсапе, – решается надавить на тетеньку Сергей Петрович.

И все-таки приходится брать «импотенцию».

Надо думать о маме.

Конечная трамвая – это начальная автобуса номер 54. Автобус номер 54 идет за город, вдоль частного сектора, выезжает на трассу, а затем останавливается у кладбища. Сергею Петровичу как раз надо на кладбище, и он курит красный «Максим» и ждет автобус номер 54.

Автобус подходит. В нем уже сидят люди. Преимущественно с цветами. Сергею Петровичу ужасно стыдно, что он без цветов, поэтому Сергей Петрович достает кактус и говорит:

– Мама очень любила кактусы.

Автобус сочувственно кивает.

Автобус трогается.

Автобус едет по узким улочкам, по бокам которых теснятся одноэтажные домики. Иногда попадают двухэтажные, но окна вторых этажей всегда проваленные, черные. Не приживаются здесь вторые этажи, что ли.

Сергей Петрович снова пытается думать о маме. Но автобус трясет на нечищенной дороге, и геркулес в животе неприятно перекатывается. Сергея Петровича тошнит. Кактус колется, особенно если засмотреться в окно и забыть, что кактус в руках, а руки без перчаток, потому что перчатки Сергей Петрович потерял еще в прошлом месяце, вернее потерял он одну перчатку, но не станешь же носить одну перчатку, это же как-то неприлично. Сергей Петрович несколько задумчив, потому как перебирает варианты вкусов

комбучи. Комбуча, кактус, геркулес. Комбуча, кактус, геркулес.

Комбуча.

Кактус.

Гер-ку-лес.

Автобус уже давно едет по трассе. Автобус останавливается и вываливает пассажиров в коричневый сугроб. Сергея Петровича автобус вываливает тоже. Кактус больно впивается в щеку при падении.

От остановки тянется протоптанная дорожка к кладбищенским воротам. У ворот продает цветы та же женщина в коричневой дубленке, что продавала сигареты на базаре. Сергей Петрович не хочет проходить мимо нее, поэтому минует главные ворота и перелезает на кладбище через забор. Куртка рвется под мышкой, из куртки выныривает беловатый пух.

На кладбище не так слякотно, как в городе. Ровненькие кресты, оградки, кривые скамеечки. Голубь у помойки ест куриную ногу. Голубь говорит:

– Новосибирск. Тебе на «-ка».

Сергей Петрович благоразумно не отвечает.

Вороны каркают, люди крошечными лопатами счищают снег с могил. Зачем его счищать, думает Сергей Петрович, в белом гораздо красивее. Надо искать маму.

Сергей Петрович ищет маму, рассматривает фотографии на крестах, читает фамилии. Переположенко, Осипенко, Лыкова, Нефть. Гы-гы, смеется про себя Сергей Петрович, Нефть.

Сергей Петрович обходит кладбище трижды, но нужной могилы не находит. Какое это кладбище? Белозерское? А мама на каком? Может, на Белозерском папа, а мама на Приозерском? Или бабушка на Приозерском, а папа...

Сергей Петрович устало машет рукой, выбрасывает кактус на дорогу и идет на выход. Голубь у помойки доел куриную ногу и принялся ворошить фантики от конфет.

Автобус номер 54 уже стоит на остановке, готовый к возвращению в город.

